

Екатерину с первых же дней поразила странная, необычная преданность, каковую выказывала ей мадам Чоглокова, дотоле не замеченная в каких-либо теплых чувствах к своим подопечным. Мария Симоновна — сама тяжелая очередным чадом — поминутно справлялась о состоянии августейшей страдалицы, упреждая все ее капризы и даже (правда, нечасто) исполняя мелкие поручения. Что-то, подумалось Кате, здесь не так...

ЗАТЯНУВШЕЕСЯ НЕДОМОГАНИЕ ПОМОГЛО ФИКЕ ПОСТИЧЬ НЕКОТОРЫЕ ТАЙНЫ ПРИДВОРНОЙ ЖИЗНИ

Не надо людям с людьми на земле бороться...

ГРЕХОВНЫХ МЫСЛЕЙ МНЕ СЛАДКА СЛЕПАЯ ВЛАСТЬ...

Протомившись в постели около полутора месяцев, Фике встала на ноги лишь к концу масленичных праздников. И только тогда утвердилась в догадках, которые мелькали у нее еще в период долгой болезни. Внимание привлекла заурядная бытовая деталь: по приказу государыни камергер Николай Чоглоков, суженый обер-гофмейстерины, обязан был ночевать в передней цесаревича Петра. Вельможа, чеканя шаг, являлся в покои к тому моменту, когда великий князь отходил ко сну, а вставал немедленно по пробуждении его высочества. Сложно сказать, зачем это понадобилось бдительной монархине. Но если субъективные причины жесткого распоряжения содержались в секрете, то его объективные последствия вышли наружу довольно скоро.

Под началом Марии Симоновны служила другая Мария — незамужняя фрейлина, дочь шталмейстера (главного дворцового конюшего) Иродиона Михайловича Кошелева. То была рослая и статная девушка, отличавшаяся, по оценке Фике, полным отсутствием ума и должной подтянутости («неуклюжая во всех своих действиях»). Зато награжденная важной внешней чертой — исключительной, буквально завораживающей белизной волос и кожи. Сим альбиносным качеством Маша, вероятно, пошла в мать — судя по имени и фамилии (Маргарита Глюк), не то немку, не то шведку, приехавшую в Северную столицу откуда-то из дальних финских пределов. Госпожа Чоглокова, всегда потешавшаяся над неловкостью и бездарностью Марии Иродионовны, оставляла ее тем не менее на ночь возле себя — как забавную собеседницу да и просто лицо

«Пусть сияет счастье мне в очах твоих...» Возлюбленные таят свои чувства. «Поцелуй украдкой». Картина французского живописца Жана-Оноре Фрагонара. Конец XVIII века.

женского пола, способное, если понадобится, оказать срочную помощь беременной начальнице.

Это-то интимное обстоятельство и соблазнило слабую душу Николая Наумовича, обделенного по веским причинам законными супружескими удовольствиями. Спускаясь в нарядном шлафроке к своей дражайшей половине, он всегда находил благоверную любезничающей с Машенькой Кошелевой. И проникся страстным желанием овладеть ослепительной белокурой дивой. «Случай, — шутила впоследствии Екатерина, — делает человека вором». Чоглоков стал бодро штурмовать небо, а пригожая фрейлина охотно покорилась удамой, стремительной атаке. Само Провидение не мешало горячим и нежным встречам: «Моя болезнь, — рассуждала великая княгиня, — благоприятствовала влюбленной парочке». И лукавый сановник убедил доверчивую супругу посвятить себя захворавшей принцессе...

ДАЛ ТЫ МНЕ МОЛОДОСТЬ ТРУДНУЮ...

С выздоровлением Кати возобновилась и светская суета. Екатерина узнала, что экс-воспитатель Петра Федоровича князь Василий Репнин (генерал-фельдцейхмейстер!) назначен командовать армейским корпусом, который направлялся в Богемию, на выручку славной союзнице — австрийской кайзерин Марии Терезии. То была явная немилость по отношению к знатному, заслуженному царедворцу, но порвать сети, расставленные семейкой Чоглоковых, не представлялось

«Облака — вокруг, купола — вокруг...» Традиционное, в духе евангельской притчи, шествие на осли. «Вербное воскресенье в Москве при царе Алексее Михайловиче». Художник Вячеслав Шварц. 1868 год.

Иоганна Элиза, уезжая домой, оставила дочери вдвое большую сумму собственной задолженности, то понятно, какое бремя легло на плечи Екатерины. Кроме того, обе «гувернантки» — и графиня Румянцева, и статс-дама Чоглокова — вовлекали и вовлекают ее в уйму расходов. Одна Мария Симоновна со всеми своими просьбами стоила в истекшем году до 17 тысяч целковых. Великой княгине горько сознавать, что недруги и завистники настраивают против нее Елизавету Петровну. И почему? Фике никогда не проявляла дерзости, строптивости и непочтительности по отношению к императрице. Каждый день ее подтверждает такую скромную самохарактеристику.

ЧИТАЮ ПОСЛАНИЯ АПОСТОЛОВА Я...

Выработанное умение оправдываться и обеляться сыграло в зный раз добрую, спасительную роль. Камергер, очевидно, передал все слова на вершину Олимпа, и там слегка успокоили свои расшатанные сплетнями нервы. Во всяком случае, раздражающую тему впредь не затрагивали. А тяга Фике к поучительному прошлому только возрастала.

...Смерть патриарха Иоакима вынудила подумать об избрании нового святейшего предстоятеля. Такого, кто мог бы потрудиться на благо Православной церкви не меньше покойного владыки. Ведь при всем своем запредельном консерватизме духовный вождь крепко «почистил» богослужебно-обрядовую практику, даже случайные искажения которой грозили вредными крамолами и ересями. Например, он предписал проводить в Вербное воскресенье «шествие на осли» исключительно в столярной Москве. На окраинах — нет! Упразднил в чине омовения ног (на Великий четверг) символическую фигуру предателя Иуды, соблазнявшую благочестивый люд. Повелел исправить литургии Василия Кесарийского и Иоанна Златоуста, а также святыне книги — Шестоднев, Требник, Псалтырь, Октоих (осьмигласник), Часослов, Устав, Пролог. Дело церковного строительства следовало продолжить.

На сан высшего священноначальника претендовали двое — высокообразованный Маркел, митрополит Псковский, Изборский и Нарвский, и простоватый Адриан, митрополит Казанский и Свяжский. Юный Петр (как, впрочем, и архиерейская элита) склонялся на сторону Маркела. Но царица-мать Наталья Кирилловна, поддержанная средним клерикальным звеном (архимандритами и игуменами), желала видеть патриархом нехитрого Адриана. Вспыхнула подковерная схватка. И опять, поморщилась Катя, у «дедушки» отнимали свободу рук...

«То вечный храм зажег свои лампы...» Успенский собор в Московском Кремле, где венчали на царство русских государей, а в допетровскую пору хоронили православных патриархов.